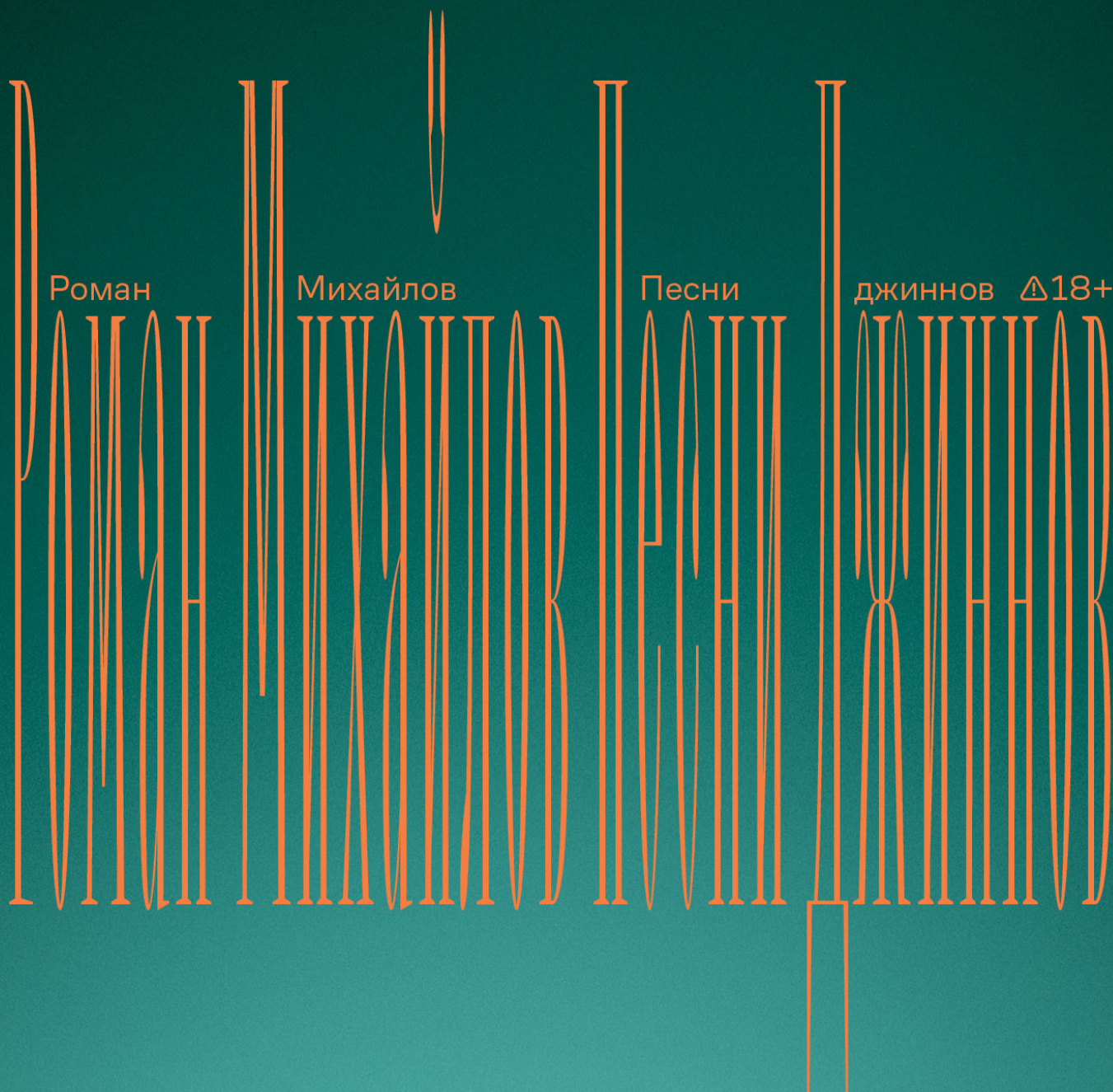

Роман

Михайлов

Песни

джиннов ⚠18+

Individuum. /sub

Роман Михайлов

Песни джиннов

«ЭКСМО»

2026

УДК 7.01
ББК 87.8

Михайлов Р.

Песни джиннов / Р. Михайлов — «Эксмо»,
2026 — (Individuum. /sub)

ISBN 978-5-04-251825-6

«Песни джиннов» складываются из дневниковых записей за полтора года, воспоминаний, снов, заметок о работе над фильмами и спектаклями. В книге Романа Михайлова позднесоветское детство встречается с современной Индией, сказки Пушкина — с бенгальским фольклором, музыка Штокхаузена и Мессиана — с размышлениями о ритме, впечатлении и природе искусства. А в финале открываются двери в волшебную школу, где всё наконец-то начинается по-настоящему.

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 978-5-04-251825-6

© Михайлов Р., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Впечатления	6
Ритм	9
Конец августа	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роман Михайлов

Песни джиннов

© Роман Михайлов, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Individuum®

* * *

В основном это дневниковые записи, собранные за полтора года. Наверняка они будут интересны тем, кто ценит наши фильмы и спектакли и хочет заглянуть в «изнанку». Или еще кому-то. Или никому. Написать текст, который никому не интересен – забавная задача. Но, кажется, это все же не тот случай. Нет, точно не никому. Этот текст вызовет некий интерес у неких людей – это бесспорно. И хорошо. Этого достаточно, чтобы его опубликовать.

Это откровенное чувство и размышление о музыке, ритме и впечатлении. Мой эстетический трактат. Пока есть смелость, надо публиковать. Хорошо, что пишется не от руки, а фрагментами на компе, и, более того, кусочки рассылаются друзьям. Было бы это записано на бумаге в одном экземпляре – уже давно бы сжег или зарыл при лунном свете, прошептав: «Такое нельзя показывать». Это слишком интимно. Но сейчас день, светит светлое небо в окне, и все вокруг намекают: «Только откровенные вещи и интересны в нашем мире». Все остальное уже рассказано. Да и это тоже уже рассказано. Ну и что? Повторю еще раз. Кому-нибудь оно покажется новым и удивительным.

Больше десяти лет назад я написал нечто, названное трактатом об узорах. Прошло еще два года и появился трактат о языках. И еще через два с половиной года – трактат о памяти и ритуалах. Эти три книги кого-то порадовали, случилось узнавание: люди писали, что в текстах много того, о чем они догадывались, но то ли боялись, то ли ленились высказать вслух. Недоумения эти тексты тоже вызвали немало, но так бывает всегда, нечему удивляться. Вообще говоря, это же так естественно для человека: записывать все, что он может помыслить на темы, которые его интересуют... Узоры, языки, ритуалы. А теперь ритм. Еще и музыка, и впечатление. Да, определенно это можно рассматривать как четвертую часть.

Сразу скажу. В конце есть «Сказка» – почти пьеса. Если кто-то захочет ставить на сцене, я буду лишь счастлив. Не надо спрашивать разрешения. Ставьте, если нравится. На самом деле, весь этот текст можно воспринимать как пьесу и раскладывать на разные голоса. Да, это пьеса! И пусть вас не смущает, что здесь нет разделения по ролям и привычной драматургической структуры. Все равно это пьеса. Не только «Сказка», но и сами «Песни джиннов». Кто-нибудь однажды осмелится и все это поставит. На черной сцене в желтом свете.

Итак. Узоры, языки, ритуалы, ритмы. Это все? Нет, есть еще кое-что, но сейчас не буду раскрывать, что именно.

Не-не, не подумайте, что я сходу начинаю с некой пафосности. Это вовсе не пафосность, а театральная привычка. Вывести в начале спектакля рассказчика, который предупредит или посмешит. Такой нелепый чел в куртке и шапке. Выходит и бубнит. Это было в моем спектакле тридцать лет назад, затем двадцать лет назад, десять лет назад и вот, в этом году. Одно и то же вступление. Дорогие друзья, читайте, негодуйте, радуйтесь. Как будет, так и будет. Однажды мы с вами попадем-таки в волшебную школу, и там уже все начнется по-настоящему.

Представьте гномика, который мчит по огненной земле под звуки из компьютерной игры восьмидесятых, забегает в свой домик, забирается под перину, закидывается подушками, застывает и засыпает. Вот! Этот текст – дневник его снов.

Нет-нет. Все очень серьезно.

Впечатления

Впечатления – это следы, оставленные кем-то или чем-то в сознании. Так обычно понимается. Что такое «сознание» и как в нем могут оказаться следы – лучше не уточнять, а то запутаемся. Когда кто-то скачет или кого-то волокут по заснеженной земле – получаются разные следы. В общем, следы – это то, что остается, и впечатления – то, что остается и даже удерживается в мыслях. Но мысли тут не обязательны. Впечатление можно не осмыслять, оно может вспыхивать или мерцать, не входя в мыслительный поток. Оно может сниться или появляться в болезненном бреде. В общем, впечатление – это некий остаток.

Вы можете восстановить свои старые впечатления от, скажем, кино? Ясно, что полноценно их восстановить не получится, но хоть как-то. Вам лет десять, вы сидите на диване, смотрите на экран. Там происходит нечто, и оно откладывается в вашем сознании, заставляет вглядываться. Оно может быть совсем неясным, непонятным, но почему-то оно всплывает, когда вы закрываете глаза и засыпаете. Попробуйте. Вы, скорее всего, наткнетесь на одну сложность: впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений от мира вообще. Трудно понять, где вы видели странного человека с большим круглым лицом – в кино или у собственного подъезда. Или он вообще приснился, а в этой реальности его и не было. Но если приснился, то он тоже стал частью реального – его можно вспоминать, его жизнь можно домысливать. То, что в нас остается – гремучая смесь трудновыразимых образов и ощущений. Иногда человек там прячется: это его темное логово, заполненное призраками. Причем тут призраки? Об этом чуть позже.

Есть несколько образов-событий... И я никак не могу разобраться в памяти: видел ли их в кино или они произошли в привычной жизни. Соседи за столом что-то не поделили. И мужчина средних лет плеснул заварку из чайника на портрет умершего родственника, на фотографию в рамке на стене. Как я мог при этом присутствовать? С другой стороны, а что это за фильм? Человек на черно-белой фотографии – спокойный, налитой, уверенный. А тот сосед, что вылил заварку, видимо, разгневался. Направить гнев на кого-то из живых не хватило смелости, а на покойного – можно.

Второй фрагмент. Мой отец стоит у дерева и смотрит на наше окно. Льет дождь, он мокнет, но продолжает неподвижно стоять. Это явно не сюжет из фильма, он не мог попасть на экран, но вполне мог соединиться с чьим-то образом. Возможно, так стоял и смотрел на окно не мой отец, а некий персонаж, но в сознании этот персонаж стал именно им. И окно было, естественно, не наше, а чье-то еще. На фоне звучала трогательная музыка, как в фильмах конца семидесятых. Вы можете представить такую картину и поставить, к примеру, музыку Рыбникова. Одинокий человек стоит под дождем, где слезы, где дождь – непонятно, и играет что-то вроде: «Ветер весенний, ночной, принесет тебе вздох от меня».

Есть важное различие между просмотром фильмов тогда и сейчас. Тогда мы не могли их пересматривать по своему желанию. Сейчас же есть возможность пересмотреть любое кино, остановить, отмотать назад или вперед. А раньше мы могли смотреть лишь то, что показывается по телевизору, никак не влияя на содержание, не имея толком никакого выбора. Это было похоже на поток времени, в котором ты существуешь. Вернее, на три потока, потому что было три канала. Ты можешь выключить, включить, выбрать один из трех каналов, установить громкость – и все.

Правда, были редкие люди с видеоманитофонами – можно сказать, зажиточные, по-своему воспринимавшие советскую действительность. У них наверняка было другое восприятие кино. Однажды меня кто-то спросил, что бы я сделал, если бы у меня оказался видеоманитон. Я почему-то ответил – прекрасно помню этот ответ – что останавливал бы фильмы и перерисовывал кадры в тетрадку. Зачем-то. Сейчас не просто понять, откуда возникло подоб-

ное желание, а оно естественно: это желание захватить проматываемые образы, сделать так, чтобы их можно было разглядывать.

Телевизор был чем-то вроде форточки в иной мир, порталом в то, что не имеет отношения к реальному. Никто не видел людей, что показывались там – да и более того, никто не знал никого, кто бы их видел. Наш бывший сосед дядя Саша иногда заходил к нам, спрашивал разрешения посмотреть телевизор, садился прямо на ковер, обхватывал колени и втыкал в мельтешащие картинки на экране почти не моргая.

У него была какая-то особая чувствительность: он мог выйти поутру во двор и заголосить как чайка.

Кстати, про чаек. Они залетали к нам во дворы, копались в мусорных баках, волокли клювами по асфальту целлофановые пакеты с красной жидкостью. Соседи говорили, что в море не осталось рыбы, поэтому чайки теперь и занимаются невесть чем, удивляя ворон и голубей. Все это – в тишине. Но иногда они болезненно вопили. Будто тишина скапливалась в них и вырывалась наружу отчаянным криком. И дядя Саша так же. Он смотрел телевизор с какой-то нездоровой жадностью, боясь пропустить важное послание. Сейчас-сейчас там произнесут нечто драгоценное, касающееся его сущности. Час-два, никто ничего не произносит, но вот-вот это случится. Спросят: «Дядя Саша, ты внимательно смотришь?» Да, внимательно. Это хорошо, ты молодец.

Зачем все это смотреть? Действительно, это было непонятно, но многие привыкали жить при включенном телевизоре. Уже чуть позже, в начале девяностых, подобная жизнь оказалась дорогим удовольствием: стало непросто оплачивать счета за электричество. Но, опять же, находились лазейки. Если счетчик располагался внутри квартиры, а не на общей лестничной клетке, на него, бывало, вешали магнит, и он переставал крутиться. Такое каралось огромными штрафами, и те, кто умудрялся так жить, годами хоронились от рысующих контролеров. Главное – не открывать дверь абы кому, внимательно смотреть в глазок, если позвонили. И все, можно смотреть телевизор без ограничений.

Когда-то хотел написать рассказ о поселении типа нашего. Несколько дней подряд шел дождь и на месте двора образовалось озеро, ну или пруд – как угодно. Жители взглянули в отражение неба в воде и увидели там ангелов. Сколько оставалась вода во дворе, столько виделись ангелы. Кто-то из жителей сразу же пошел молиться, решил поменять свою жизнь, а у кого-то все осталось по-прежнему. Даже не помню, как собирался закончить этот рассказ. Дома вокруг были бы краями огромной чаши, а вода – ее содержимым. И люди старались словами не подтверждать, что они видят, а лишь поглядывали друг на друга, пытаясь убедиться, что это не их собственная галлюцинация.

За последние пару лет пересмотрел множество советских фильмов, особенно рижской киностудии, пытаясь прочувствовать ритмы. «Мираж», «Он, она и дети», «Сад с призраком», «Долгая дорога в дюнах» – все это я видел в детстве, и какие-то фрагменты этих фильмов слились со снами. Актерская пластика там совершенно особая, ее трудно представить в современном кино. Актер работает не со своей ролью, он работает с пространством вокруг себя, создавая некую ауру – эту ауру и цепляет камера. Если он не обращает внимания на пространство вокруг себя, то выпадает из кадра.

Фильмы рижской киностудии – это детские сны, темные и скучные. Но сны и должны быть скучными, иначе человек не отдохнет.

Когда-нибудь расскажу всю правду про Латвийскую ССР восьмидесятых. Ну как всю... Ту, что знаю.

Все это было похоже на кропотливую работу пожилого художника. Он брал нежные оттенки голубого, серого и светло-коричневого, без спешки смешивал, болтал кисточкой в литровой банке, наносил на холст – тихо-тихо, бережно-бережно. Под крики чаек, под взгляды моря, под шепот бездны, под замершие улыбки умерших соседей.

Белые журчащие барашки на волнах, пыль в воздухе, изображение в зеркале, разделенное на три части, все-все-все в предвкушении. Есть рядом невидимая сущность, она нас и обнимает.

Бабушка перебирает вещи в шкафу, перекладывает облигации, свои медали «Героя труда» (или медали за трудовую доблесть, забыл к своему стыду) и напевает песни Толкуновой. Полы деревянные, скрипучие, в дверях мутный глазок, в подвале старые велосипеды и бесконечные банки с вареньями и соленьями. Наступит зима – будем все это уплетать.

Прекрасно помню один июльский вечер 1983 года. Мы находимся около восьмого корпуса, вроде бы ничего не происходит, но воздух пропитан каким-то теплом и вниманием. Понимаю, что мне надо идти домой, бегу к своему подъезду, поднимаюсь на четвертый этаж, смотрю с балкона туда, откуда прибежал, и слышу легкий гул – гул существования. Это благодать, она окутывает всех нас. И это ощущение – не мое, оно общее. Все чувствуют это, но не знают, как выразить, просто неподвижно улыбаются.

Мне непросто об этом вспоминать, сразу начинает куда-то нести. А дальше там ведь начинается боль, совсем другие образы... Если когда-нибудь буду снимать это, придется каждый день реветь на площадке, к концу съемок снова не останется нервов.

Это звучит наивно, правда? Но ведь наивное звучание во многом и формирует культуру.

В складках одеяла можно разглядеть драконов. Или историю похищения возлюбленной из замка, с погоней за лодкой, идущей по ночной воде, с говорящей рекой, которая укрывает героев. Может, так и с детскими впечатлениями. Они надежно хранятся в памяти, а когда выходят наружу, вызывают со стороны лишь недоумение.

Еще раз. Впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений вообще. Где это происходило? В кино, во сне или в воображении? Или это подслушанный и домысленный рассказ? Это нигде не происходило, но почему-то четко осталось в памяти.

11 мая мне приснилась «теория впечатления». Сначала это был старый двор, я плыл по нему, а цыган стоял рядом, улыбался и подбадривал. Затем весь двор покрылся туманом, и вся эта дымчатость показалась источником будущих впечатлений. Из нее можно лепить то, что произведет впечатление.

Эта дымчатость – субстанция, из которой будут построены впечатления от кино, литературы, живописи. И, возможно, все они заложены в том дне, во дворе детства. Вас впечатлил фильм? Он отчасти там уже был показан. Впечатлила картина? Она рисовалась тогда, внутри того тумана.

Ритм

В 1917 году появилась работа музыковеда Леонида Сабанеева «Ритм». Сначала там рассматриваются примитивные определения ритма вроде схем длительностей. Затем описывается желание уйти от временных искусств, и понять, что же такое ритм вообще. Приводятся разные идеи ритма как порядка, и в итоге автор выдает удивительное. Ритм – это принцип наименьшего действия в искусстве. Еще он пишет, что форма должна поглощаться содержанием, иначе «принцип ритма не воплотится». Там же появляется мысль: «То, что кажется источником стеснения, на самом деле оказывается источником красоты». Отсечение лишнего, проявление прекрасного через ритм...

Это же то, чем я занимался почти всю сознательную жизнь.

Эдгар Варез говорит о ритме как о скрепляющем принципе, о том, что не позволяет рассыпаться. Еще он писал о движущихся телах умных звуков как о составных частях пространственной музыки.

У него много интересных высказываний. Например, что шум субъективен – это звук, который кому-то не нравится. Еще он заметил интересную вещь: индийская мелодика, проигранная задом наперед, имеет плавное течение, практически такое же, как и при нормальном воспроизведении, и что восточным музыкантам западная музыка кажется не плавной, скачущей.

Интересное ведь замечание... Чем отличается западная музыка от восточной? Восточную можно проиграть в обратном порядке и она, по сути, останется собой, а западная вызовет недоумение.

А Джон Кейдж определяет ритм просто как отношения между отрезками времени.

Ни у кого нет такой чуткости к времени, как у музыкантов. И вряд ли кто-то докапывался до понятия ритма так, как Мессиан.

Он приводит десятки определений ритма и пытается нащупать нечто более тонкое, чем эти формулировки. Он блуждает между Бергсоном, Фомой Аквинским, магическими системами и индийскими теориями ритма.

Монологи Мессиана – удивительный текст. Он говорит, что птицы лучше поют на рассвете и закате, потому что вдохновляются цветами неба.

Когда впервые услышал Мессиана, показалось, что это хтонический Шнитке. Музыка очень кинематографична, она звучит будто за кадром. На экране происходит нечто.

Хотя никакого экрана и нет. Есть мозаики из цветных камешков, раскрашенное время.

(У Бергсона возникает время-как-время и время-как-пространство, он прислушивается к чистой и пространственной длительности, пытаюсь понять, что ближе восприятию. Время как тик-так.)

Ритм – то, что не дает рассыпаться бытию.

(Компоненты ритма по Мессиану. Порядки таких понятий как: долгота, интенсивность, высота, тембр, рельеф, пауза... У него пустоты внутри текста согласуются с музыкальной тишиной. Дальше он устанавливает странный закон ритмичности, связанный с периодичностью, необратимостью и симметрией.)

(Необратимые ритмы повсюду.)

Что еще интересно. Он считал, что музыкальная культура, если не вся, то мелодическая, была заложена до человека, в мире птиц. Истоки всех мелодий – там. Человек понемногу раскрывает то, что чувствуют птицы.

(Послушал десять раз «Праздник прекрасных вод».)

Было Нечто, что разделилось на музыку и язык. Там был ритм как принцип.

«Звуковые облака», «звуковая пыль» Мессиана могут быть найдены в кино. «Облака образов», «образная пыль». Они отличаются прозрачностью, плотностью, интенсивностью.

(Итак, «облака образов» и «образная пыль»... Из них склеиваются сны. Есть еще кое-что. Когда ныряешь под воду, но оставляешь глаза открытыми. Внеобразная глубинность. Из этих трех вещей и складываются сновидения.)

У Дьёрдя Лигети есть описание детского сна. Он в своей комнате, но не может пробраться к кровати из-за множества слоев плотной паутины. Все облеплено насекомыми, все колыхается и меняется. Этот сон сильно на него повлиял. Мне представляется, что это был не совсем сон. Лучше назвать данное состояние визионерским выбросом. Такое случается. Комната, в которой человек спит или проводит много времени, остается привычной, но заполняется невесть чем.

Странными гостями, мерцающими существами, светящимися кузнечиками, мотыльками и медузами вместо люстр. Со мной случилось нечто похожее в 2012 году в Принстоне. Спустя пару лет случайно наткнулся на копию увиденного, листая творчество пациентов психиатрических больниц. Как будто мы находились в одном месте, в одно время, смотрели на эту живность у потолка одними глазами.

Есть у Лигети композиции, похожие на шелест насекомых, с пробивающимися голосами невесть кого. Хор дрожащих мелких существ.

Конец августа

15 августа проснулся ночью от своего крика, а сон был такой. Старая квартира, стою у дивана, слышу, что зашли люди, выхожу в коридор – это кто-то незнакомый. Они проходят, располагаются, меня не видят. И тут понимаю, что я для них – как призрак.

Там еще был странный эпизод с новогодним поздравлением от одноклассника. Он прислал видео, будто в данную минуту он с друзьями смотрит мой фильм, и тем самым поздравляет меня – от этого поздравления стало почему-то жутко. Весь день думал, что же там было жуткого, даже настолько жуткого, что вызвало пробившийся наружу крик.

Что случилось со мной в августе – не могу пока осмыслить. Кажется, я надорвался. Что случилось, действительно? Да просто ежедневная работа над нашим сериалом привела к новым состояниям. Каждая секунда работы была пропущена через психику, и в итоге это случилось.

26 августа

Меня положили под капельницу и влили нечто янтарного цвета, сказали, что сначала качнет в другую сторону, а затем начнется «подъемчик». Вернулся из больницы домой, замолк и съезился. Прележал так непонятно сколько. А затем пошагал по квартире, быстрым шагом туда-сюда, и так раз сто.

29 августа

Была свадьба, мне стало плохо, я поднялся по горке и направился в сторону.

Шел вдоль реки, по солнцу до метро. Оказался в бочке для квашеной капусты, сверху захлопнули крышку. У метро совсем вскрыло, показалось, что это невозможные пейзажи, и добраться до дома не получится. Стал спрашивать дорогу у всех подряд.

Также показалось, что меня отзеркалили. И иду по дороге не я – идет мое отражение в зеркале. Дома завернулся в одеяло и уснул.

Кажется, что я в доме детства, лежу в квартире на четвертом этаже под треугольной люстрой, дальше – железная дорога. Электричка так далеко, а я слышу ее так хорошо – это удивительно. Все слегка дрожит и ожидает. Как у Лигети: хор дрожащих существ, только он собран не из насекомых, а из хрусталя в серванте, из механизмов электричек, из стеклышек на люстре.

31 августа

Случилась затяжная паническая атака, часа на четыре. Если бы встретил в литературе подобное описание, не пережив этого сам, отнесся бы со смесью сочувствия и недоверия. Похоже на падение в бездонный колодец. Цепляться за стенки можно, но руки соскальзывают – там негде прятаться, а человек прячется почти всегда, он прячется в своей привычности, отделенной от внешнего потока. «Ничего страшного не происходит» – прозвучало внутри, и более того, показалось, что в этом состоянии содержатся драгоценные фрагменты. Можно коснуться своей души. Всякую новую чувствительность можно использовать для поиска благодати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.